УДК 94(47).084
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00077

Ф. Л. Синицын

«Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг.

Государственная политика в «кочевых» регионах СССР в 1920-е гг. освещена в исторической науке недостаточно. В советский период процесс «советизации» этих территорий был исследован, но понимался прежде всего как создание устойчивой системы местных органов власти — советов[1]. Основная масса исследований и советского, и современного периодов посвящена проблеме перевода кочевников на оседлый образ жизни и их коллективизации в 1930-х гг.[2] Это же касается и трудов зарубежных историков[3]. Однако история взаимоотношений между Советским государством и кочевыми народами в первое послереволюционное десятилетие до сих пор остается изученной фрагментарно.

В 1920-е гг. в «кочевых» регионах СССР осуществлялась советизация. Мы понимаем этот процесс как интеграцию территории и населения в общегосударственное политическое, экономическое и культурное поле СССР. Решение этой задачи в «кочевых» регионах было затруднено ввиду «изолированного» от государства образа жизни, наличия у кочевого общества устойчивой родовой структуры, почти полного отсутствия партийных и комсомольских организаций в кочевьях, свободы трансграничного кочевания.

Советские и партийные руководители «кочевых» регионов видели путь к советизации этих территорий в тотальном переводе кочевников к оседлости: с прекращением неконтролируемого кочевания исчезли бы многие противоречия между государством и «кочевой цивилизацией». Советская власть пыталась перевести к оседлости казахов и киргизов, которые возвращались из-за границы после Гражданской войны[4]. Интересное обсуждение способов безболезненного отказа от кочевания прошло на Первом общекалмыцком съезде советов (июль 1920 г.). Одним из главных инициаторов перехода к оседлости была калмыцкая интеллигенция, которая считала оседание признаком роста культуры. Съезд принял решение провести подготовку земельных участков для оседания[5].

Решения, касающиеся постепенного перевода кочевников на оседлый образ жизни, были приняты на уровне центральных властей. 29 июня 1920 г. ЦК РКП(б) постановил, что «кочевые хозяйства должны быть обеспечены не только кочевьем, но и пашней, обеспечивающей переход к оседлому положению»[6]. 10 мая 1923 г. ВЦИК утвердил «Положение о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской АССР». 17 апреля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Киргизской[7] АССР», а 23 марта 1925 г. новый документ — «О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Калмыцкой автономной области», в котором подчеркивалась необходимость ускорения процесса перевода кочевых хозяйств к оседлости[8].

Однако чрезмерного ускорения процесса оседания не последовало. До конца 1920-х гг. власти не пытались принуждать кочевников к переходу на оседлость; считалось, что этот процесс требует тщательной подготовки и огромного финансирования[9]. В 1919 г. Наркомат по делам национальностей отмечал относительно немногочисленных кочевников Башкирии, что их «переход от скотоводства к земледелию может совершаться только постепенно; будучи проведен резко и бюрократически, [он] может привести к массовому вымиранию башкир, как это было со многими инородцами во времена самодержавия»[10]. Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция НКЗ РСФСР сделала вывод, что темпы оседания в Калмыкии не должны опережать возможностей подведения под него «хозяйственного фундамента»[11]. План оседания в Казахстане был рассчитан на несколько десятилетий. В рамках первого этапа, рассчитанного на 15 лет, следовало перевести на оседлость около 1 млн чел. (220 тыс. хозяйств — менее 50 % кочевого населения региона), для чего требовалась 1 тыс. поселений, из которых 150 нужно было возвести заново[12].

Местные власти считали невозможным тотальный переход к земледелию, выступали за сохранение традиционного хозяйства. В Казахстане в 1920-е гг. при оседании никогда полностью не отказывались от животноводства[13]. Калмыцкий облисполком в своем письме, направленном во ВЦИК, подчеркивал, что в основной части региона земледелие может иметь только «нежизненные, определенно нерентабельные хозяйственные формы»[14]. Попытки перевода кочевников на оседлость, кое-где предпринятые в начале 1920-х гг., чаще всего не удавались. Так, в Киргизии кочевникам были переданы дома и имущество,

конфискованные у «европейских» переселенческих хозяйств. Однако они, перезимовав в поселках, за единичными исключениями с ранней весны ушли кочевать, бросив пашни, сады и огороды[15]. В Калмыкии первая попытка перевода 2 тыс. хозяйств к оседлости (1925 г.) была неудачной[16]. Причинами возврата к кочеванию были незнакомство с методами ведения оседлого хозяйства, приверженность традиционному образу жизни[17].

Власти искали компромиссное решение «кочевой проблемы». В декабре 1927 г. СНК Казахстана поручил местному Госплану проработать вопрос о создании «культурного аула» для кочевников[18], что и было сделано в виде разработки концепции «нового казахского аула»[19], по примеру европейских населенных пунктов. В этом регионе перевод на оседлость был запланирован не везде, а избирательно. В 1928 г. Наркомат земледелия планировал сохранение кочевых хозяйств даже в северной, более «земледельческой», части региона, в зоне осадков выше 300 мм[20]. В рамках второй земельной реформы, проведенной в 1927–1928 гг. в Средней Азии и Казахстане, было предусмотрено формирование хуторского расселения. Для создаваемых «середняцких» индивидуальных хозяйств выделялись участки площадью от 40 до 70 га, на которых предполагалось одновременно заниматься земледелием и скотоводством (без дальних откочевок)[21]. К переходу на такой формат расселения, который мог стать компромиссным решением, кочевники уже были готовы — благодаря наличию у них зимних поселений, следовало только убедить их оставаться там и на теплое время года, где это было возможно по климатическим условиям.

Власти «кочевых» регионов считали возможной советизацию «кочевых» регионов до перевода кочевников на оседлый образ жизни[22]. Для этого нужно было создать в кочевьях советские органы власти. Особенно остро этот вопрос касался самого большого «кочевого» региона — Казахстана. Хотя формально советы здесь существовали (аульные, волостные и пр.), однако власть в них принадлежала родовым «авторитетам» (баям). Такие органы власти не только не являлись опорой Советского государства и правящей партии, но и просто мешали выполнению ее программных задач. Поэтому власть поставила цель создать новые, «подлинные советы» как «действительные органы диктатуры пролетариата». В декабре 1925 г. на V Всеказахской конференции РКП(б) была принята программа «советизации аула», заключавшаяся в ликвидации «байских советов» и продвижении в новые советы представителей «низших» страт кочевого общества — батраков, бедняков и середняков[23].

Такие же задачи решались в других «кочевых» регионах. В Туркмении и Киргизии власти готовили активистов из числа бедняков и середняков, в том числе продвигая их в аульные советы[24]. В Казахстане такие активисты должны были стать «советскими аткаминерами»[25] (традиционная «должность» в кочевом обществе — представитель, отвечающий за сношения с внешним миром).

Однако процесс советизации кочевий занял много времени, достиг результатов не везде и в основном после того, как подверглись репрессиям и конфискации имущества родовые «авторитеты». Так, в Казахстане только в 1929 г. власти смогли добиться создания «подлинных советов», где большинство составляли беднота, батраки и середняки[26]. Это произошло перед самым началом форсированной модернизации, которая разрушила «кочевую цивилизацию» в СССР, и новые советы фактически не успели поработать в кочевьях.

Второй задачей по советизации «кочевых» регионов было улучшение «обслуживания» кочевого населения (т.е. предоставления им государственных услуг). В октябре 1924 г. на совещании Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК представитель АО Коми (Зырян) В. П. Юркин заявил, что «кочевое население нуждается в кочевом милиционере, кочевом судье». Он рассказал, что облисполком Коми не смог создать штат таких чиновников ввиду отсутствия подобного опыта. Тем не менее власти утвердили особых уполномоченных из среды самого кочевого населения (выбираемых на съездах оленеводов), которым предоставили права следственных органов[27].

В Казахстане кочевое население власти формально разделили на «административные аулы», в которые было включено от 40 до 400–500 хозяйств[28]. Это должно было помочь установлению контроля над населением и дальнейшей его советизации, но «границы» административных аулов не всегда совпадали с «границами» родовых структур, поэтому главы последних не признавали такого административного деления[29].

В «кочевых» регионах были созданы «культпункты», где работали врачи, агрономы и зоотехники[30]. Планировалось расширение сети школ Соцвоса[31] и Ликбеза, приспособленных к быту кочевого населения, в том числе создание передвижных школ и школ-интернатов. В Бурятии к 1924 г. было открыто 16 школ для кочевого населения, рассчитанных на 30 тыс. чел. В Киргизии итогами мероприятий по обслуживанию «кочевых» районов были признаны улучшение школьного строительства, медицины и ветеринарии, организация торговли[32]. В 1927–1928 гг. Скотоводческий комитет, созданный 4 августа 1926 г. при Президиуме ЦИК Туркмении, в летний период вел «разъяснительную работу» в районах колодцев, где постоянно появлялись кочевники. Однако такая деятельность часто была неэффективной[33] и далеко не всегда приносила плоды. Тем не менее в Бурятии и Калмыкии меры по развитию «советской» социальной инфраструктуры принесли результаты: здесь постепенно укреплялась государственная система образования и медицины, вытесняя традиционные буддийские структуры[34].

Как важный шаг к советизации рассматривалось объединение кочевников в общественные организации. В среднеазиатских «кочевых» регионах и Казахстане были созданы союзы «Кошчи»[35] (массовая бедняцкая организация), сельские батрацкие комитеты. Среди них были реально действующие организации, но часто такие структуры были фиктивными. Так, в Киргизии работа среди батраков велась «очень слабо». В Туркмении власти фактически забросили руководство союзом «Кошчи», поэтому, «если в первые дни бедняки...

записывались в союз... целыми группами, то сейчас, разочарованные, уходят из союза» (данные на 1927 г.)[36]. Развитию общественных организаций среди кочевников мешала не только пассивность местных властей, но и традиционное устройство кочевого общества.

Для укрепления «нижних» страт кочевого общества власти выдвинули предложение о развитии кооперации и кредитования. Кооперирование началось с того, что в местах наиболее массового и продолжительного скопления кочевых аулов были созданы государственные торговые пункты — фактории, которые находились в ведении Центросоюза. По мнению властей Киргизии, фактории были наиболее приемлемым видом кооперирования. С их помощью государство пыталось вовлечь кочевников в товарно-денежные отношения, попутно проводя пропаганду кооперирования. Стали создавать потребительские, снабженческо-сбытовые кооперативы. Так, в Кизыл-Атрекском обществе потребителей (Туркмения), действовавшем с июня 1926 г., к сентябрю 1927 состояли 334 чел. (из них представителей титульного этноса — 300 чел.). Власти пытались развивать в «кочевых» регионах также кредитную кооперацию[37]. Отрицательным моментом было появление «лжекооперативов», которые создавались с целью получения безвозмездной помощи со стороны государства (отметим их сходство с фиктивными советами). Мешала кооперированию мобильность кочевников. Например, из упомянутого Кизыл-Атрекского общества 43 пайщика вместе со своим скотом ушли в Персию[38].

В 1920-х гг. в «кочевых» регионах началась коллективизация сельского хозяйства. Основной формой объединения «социально близких» для советской власти кочевников (т.е. всех, кроме баев) стали товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ). Конечно, достичь широких результатов в коллективизации «неуловимых» и преданных своей родовой структуре кочевников было трудно. Так, по состоянию на сентябрь 1927 г. в Киргизии и Туркмении такая работа вообще проведена не была[39].

Властями была развернута программа по землеустройству «кочевых» регионов, затронувшая широкий спектр проблем. После революции советская власть нацелилась на кардинальное решение «национального вопроса». Для «кочевых» регионов он заключался в том числе в распутывании клубка противоречий, вызванных дореволюционной «европейской» колонизацией этих территорий. Власти особо отмечали, что колонизации подверглись главным образом именно кочевые и полукочевые районы[40]. Колонизация привела к чересполосному расселению русских и других «европейских» крестьян (украинцев, немцев и пр.) и представителей местных народов. Это неминуемо приводило к разного рода противоречиям. Например, в Бурятии даже «случайные земельные споры целиком переносились на почву национальной розни». Когда в Боханском аймаке земельная тяжба между бурятской и русской общинами судом была разрешена в пользу русских, некоторые местные жители «пытались истолковать это решение для разжигания национального антагонизма»[41].

Чтобы решить проблему землеустройства «титульных» этносов в «кочевых» регионах, власти осуществили передел земель в их пользу. На основании постановления ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 г. было указано «отобрать у переселенцев... все земли, запроектированные [дореволюционным] Переселенческим управлением, или самовольно отобранные переселенцами... оставляя переселенцам участки в размере трудового надела». Изъятые земли предписывалось передать представителям «титульных» этносов[42] — конечно, не всем, а только беднякам и середнякам[43]. В итоге в Туркестанской АССР были ликвидированы русские, украинские и другие населенные пункты, возникшие после 1916 г. (161 селение и 175 хуторов), экспроприирована часть земель у старожильческих селений (т.е. основанных ранее 1916 г.), выселены 8084 хозяйства крестьян. Населенные пункты, хутора, посевы, огороды, инвентарь были переданы кочевникам. Поселки, которые стояли на путях перекочевки стад (скотопрогонных путях), также были ликвидированы[44]. Реализация такой политики была связана в том числе с активной деятельностью члена Туркестанского бюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафарова, который в 1921 г., как пишет германский историк Р. Киндлер, «развязал настоящий террор» против русских крестьян. Хотя в январе 1922 г. Сафаров был освобожден от должности, принудительное выселение русских и других «европейцев» продолжалось до осени того же года[45] и даже позднее — так, из Семиречья в 1923 г. было выселено до 150 тыс. русских[46].

В Киргизской (Казахской) АССР только за первые два года осуществления реформы было перераспределено более 1 млн десятин земли. С лета 1922 г. началось «перемежевание» земель левого берега р. Урал, ранее принадлежавших Уральскому казачьему войску, и десятиверстной полосы по левому берегу Иртыша, принадлежавшей сибирскому казачеству. Изъятые земли были перераспределены в пользу казахского населения. Как и в Туркестане, помимо земли представители «титульной» нации получили изъятые у русского населения скот, сельскохозяйственный инвентарь, постройки и т.п. Практика изъятия казачьих и переселенческих земель в пользу «титульного» этноса продолжалась и в следующие годы[47].

В принятом 24 июля 1921 г. Декрете СНК РСФСР об устройстве земельного быта калмыцкого народа было предписано принять «все меры для защиты экономически слабых и культурно-отсталых элементов калмыков от подавления их более сильными группами населения», в том числе русскими, другими «европейскими» кулаками и иными «захватчиками» земель[48]. В 1925 г. переселение в Казахстан и ряд других республик извне было запрещено впредь до окончания землеустройства коренного населения. Одновременно запрещалось несанкционированное властями переселение внутри республики[49]. Власти Бурятии выступали против массового переселения в занятые «титульным» населением районы, придерживаясь точки зрения, что «переселение извне должно допускаться только в районы, почти не затронутые землепользованием коренного населения»[50].

Детально программа землеустройства «кочевых» территорий была изложена в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 17 апреля 1924 г. Землеустройство официально получило «сплошной и обязательный характер» и было нацелено на размежевание пастбищ между оседлым населением и кочевниками, отвод кочевому населению обособленных территорий и, наконец, выделение участков, пригодных для ведения оседающими кочевниками земледельческого хозяйства. Решение «земельного вопроса» в «кочевых» регионах, по идее, было направлено на сглаживание национальных противоречий. На Дальнем Востоке власти стремились провести размежевание в тех местностях, где чересполосица вела «к земельным недоразумениям». В Бурятии работали комиссии для расследования конфликтов между бурятским и русским населением, в том числе связанных с земельными спорами. Для решения проблем было выдвинуто предложение включить чересполосное русское население в состав Бурятии, что и было сделано. В Калмыкии приняли решение наделить землей «коренное население Калм[ыцкой] области без различия национальностей», т.е. всех проживавших на территории региона до издания советских законов о социализации земли. Третий общекалмыцкий съезд советов (1922 г.) счел необходимым «в целях скорейшего усвоения кочевниками улучшенных и упрощенных приемов земледелия» усилить «сближение калмыков с [русским] крестьянством на основе коллективного сотрудничества при обработке земли, что дает действительную смычку между трудящимися обоих национальностей»[51].

Уже в середине 1920-х гг. в Средней Азии и Казахстане стали очевидны негативные последствия земельно-водной реформы. Вместо решения проблемы в межэтнических отношениях она их усугубила[52]. Американский историк Т. Мартин полагает, что в 1920-х гг. наихудшие отношения между «титульными» этносами и русскими сложились в Казахстане, Киргизии, Восточной Башкирии и Бурятии[53], т.е. именно в «кочевых» регионах.

В Казахстане землеустройство, осуществленное по этническому принципу, в некоторых местностях привело к столкновениям на межнациональной почве[54]. Масла в огонь подливала позиция некоторых местных чиновников и национальных деятелей, которые добивались депортации неказахского населения. 11 апреля 1925 г. Казахский ЦИК принял закон о высылке переселенцев из региона — причем «некоренными» считались не только «европейцы», но также узбеки и уйгуры (14 сентября 1925 г. Президиум ВЦИК отменил этот закон как не соответствующий основам государственной национальной политики)[55]. С санкции местных властей под флагом «деколонизации» предпринимались враждебные действия в отношении переселенцев[56]. В 1927 г. в регионе произошло резкое обострение межнациональных отношений из-за того, что местные власти затягивали землеустроительные работы для национальных меньшинств, а земельные споры длились годами[57].

Представителям «титульных» этносов в некоторых местностях достались излишки земли. Так было, например, в Киргизии и Бурятии, где они стали сдавать

землю в аренду русским — часто по высокой цене[58]. В Туркестане из-за преследований русского населения в целом произошло сокращение земледелия[59].

Реакция со стороны русского и другого «европейского» населения была соответствующей. Крестьяне выражали обиду на власть и непонимание, за что они сражались в Гражданской войне[60]. В Москву потекли жалобы на имя «всесоюзного старосты» М. И. Калинина и в Наркомат земледелия. Происходили столкновения «европейского» населения с оседающими кочевниками[61]. Когда в Киргизии назначенный для устройства возвращавшихся из Китая киргизских беженцев чиновник Джанузаков провел изъятие земель для них у переселенцев, эта акция, как и другие меры по устройству беженцев, вызвали сопротивление местных русских властей[62]. В начале 1920-х гг., после проведения земельно-водной реформы, русские крестьяне заявляли, что «киргизам дают землю для того, чтобы они ею торговали», «распределение земли и воды неправильное. Киргизам больше — русским меньше. Киргизы сами землю не обрабатывают, а продают и землю, и воду». Жители селений Быстроречки и Вайтыка говорили: «Выгнали бедняков русских как собак и отдали всё кочевникам-киргизам, за которых еще и постреляли немало русских». Даже в 1927 г. — на фоне развивавшегося басмаческого движения, но и помня о реформе,— русское население в Узгенском районе отказывалось от проведения посевной кампании, мотивируя это тем, что «всё равно киргизы отнимут землю и выгонят русских»[63]. Русское население Казахстана выражало стремление к автономизации[64]. На севере республики выдвигались требования об отделении уездов с преобладающим русскоязычным населением и присоединении их к Сибири[65].

Центральная власть была вынуждена реагировать. 17 ноября 1924 г. ВЦИК создал комиссию под руководством А. С. Енукидзе, которая должна была разобраться с положением русского населения в автономных республиках и областях[66]. Защиту прав русского и другого «европейского» населения отстаивал Наркомат земледелия, который «решительно выступил за то, чтобы защитить культурное русское земледелие от “отсталых” обычаев кочевников». Выход был найден в этнической сегрегации. Комиссия при ВЦИК под руководством М. П. Серафимова, созданная в 1924 г. (работала до апреля 1926), предложила создать в Казахстане 4 русских округа, объединенных во вновь создаваемую Калининскую автономную область, которая должна была стать основой для будущих земледельческих поселений русских. Хотя такая АО создана не была, к концу 1926 г. под давлением Москвы в Киргизии и Башкирии были созданы русские национальные советы. В конце 1927 г. они начали создаваться и в Казахстане[67].

Местные власти признали ущемление прав «нетитульных» этносов. В ноябре 1927 г. на VI Всеказахской конференции ВКП(б) Ф. И. Голощекин объявил, что «решение земельного вопроса только для казахов вызвало недовольство других народов». Такие же заявления звучали из уст других советских

и партийных деятелей Казахстана — в частности, У. Д. Исаева и С. Ж. Сафарбекова[68]. Курс на выселение «европейцев» ошибочным считал также зампредседателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулов[69].

В феврале 1926 г. Президиум ВЦИК принял постановление о неконституционности решения Казахстана о запрещении переселения[70], а 30 августа 1926 г. — постановление об урегулировании отношений между русским и коренным населением Казахской АССР и всех других автономных республик и областей. В том числе было предписано землеустраивать «пришлое» оседлое население[71]. Однако проблема справедливого передела земли, который бы устраивал и кочевое, и оседлое население, а также «титульные» и «нетитульные» этносы, так и не была решена.

Необходимо отметить, что власти «кочевых» регионов смогли найти некоторый компромисс с кочевниками. Так, одной из целей строительства Туркестано-Сибирской магистрали (1927–1930 гг.) было вовлечение казахского населения в промышленный труд. Постепенно казахи вливались в ряды строителей Турксиба. Эта стройка произвела на них огромное впечатление, предоставив альтернативу кочеванию (но это отразилось на кочевом обществе пагубно: произошли отрыв от традиционного образа жизни и рост «классового сознания»[72], подрывавшие родовую структуру).

Власти увидели возможности сотрудничества с кочевниками и в административной сфере. Еще в начале 1925 г. были созданы отряды добровольной милиции для защиты кочевников от басмачей[73]. В Туркмении, когда в 1927 г. сельхозналог по сравнению с предыдущим годом был сокращен на две трети и упорядочено прогрессивное обложение, власти отмечали изменение отношения кочевников в лучшую сторону. Даже ускользнувшие от обложения, в том числе ушедшие в Персию, сами предлагали заплатить налог. В 1929 г. было выявлено, что районе Мерва «отношение туркменских племен к советской власти — благоприятное»[74].

Властям Калмыкии еще до начала форсированной модернизации удалось провести перевод на оседлость части кочевников. Если в 1924 г. кочевники и полукочевники составляли 66,4 % населения региона, то в 1929 г. — уже 48,6 %[75]. (Конечно, некоторая часть кочевников перешла к оседлости самостоятельно, без участия государства.)

В целом опыт продвижения «реальной» советской власти в кочевья был нерезультативным. Так, в 1927 г. в одном из районов Киргизии власти организовали передвижной джайляунный совет. Итоги этого начинания были «малоудовлетворительными». Бóльшая часть времени работы сельсовета «уходила на погоню за населением, которое безостановочно двигалось с одного места на другое». По этой причине совет не мог вести работу в сфере культуры и образования — хотя одна из школ-передвижек работала, но за такой период «она ничего не дала». Медицинские учреждения при сельсовете также «работали почти впустую, ибо основной контингент больных страдал

сифилисом, который не мог быть излечен за те немногие посещения, которые возможно было делать»[76].

Власти отмечали непреходящую чрезвычайную слабость работы среди кочевников. В Туркмении за 10 лет, прошедших после революции, государственные институты так и не смогли «проникнуть вглубь Каракумов для создания среди скотоводов советов и внедрения нового быта». Окружные и районные исполкомы «ограничивались только работой в земледельческой полосе среди оседлого населения», так как регион Каракумов «удален от основных путей, труднодоступен для нашего воздействия»[77].

В 1920-е гг. ни у центральных, ни у местных властей не было четкого ви́дения решения вопросов, связанных с наличием в СССР «кочевой цивилизации». Они понимали, что «кочевые» регионы необходимо советизировать, но как точно это сделать — представление было расплывчатым. По этой причине в первое десятилетие советской власти политика в отношении «кочевых» народов проводилась в «спокойном» режиме. Меры властей в основном заключались в попытках советизации кочевников без перевода на оседлость. Полный и окончательный переход к оседлости кочевников «имелся в виду» как далекая, «идеальная» цель. Результаты процесса советизации кочевий были фрагментарными и противоречивыми. Кое-что удавалось (например развитие образовательной и медицинской инфраструктуры в Бурятии и Калмыкии), однако многие цели оказались недостижимыми, особенно на малодоступных для «проникновения» пространствах Казахстана, Туркмении и Киргизии. Усилия по землеустройству в «кочевых» регионах, которые были нацелены на решение межэтнических проблем, не привели к ожидаемым результатам. Передел земли, который бы устроил всех, так и не был осуществлен.

В итоге значительная часть «кочевой цивилизации» по-прежнему оставалась вне силового поля советской власти. Окончательное «подчинение» кочевников государству было достигнуто только в процессе форсированного перевода их на оседлость и коллективизации в 1930-х гг. Однако поскольку эта акция привела к разрушению «кочевой цивилизации» в СССР, следует говорить о том, что кочевники как таковые «советизированы» не были.

---

1 *Кучкин А. П.* Советизация казахского аула, 1926–1929 гг. М., 1962. С. 3.

2 *Гадельшин Г. Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад, 1987; *Демидов В. А.* Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968; *Турсунбаев А.* Опыт перехода от номадизма к оседлости // Формы и методы преодоления экономической отсталости: Из исторического опыта советских республик Востока. М., 1972. С. 73–90; *Шаумян М.* От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1965; *Аблажей Н. Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015; *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахстанская трагедия // ВИ. 1989. № 7. С. 53–71; *Бадмаева Е. Н.* Продовольственный вопрос в аграрной политике советского государства: опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмыкии). Элиста, 2016; *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009; *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула в аграрной политике советской

власти 1920–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 6. Ч. II. С. 92–95; и др.

3 *Алтаев А. Ш.* Седентаризация в земельной политике советского правительства в Казахстане // Вестник КазНУ. 2015. № 4. С. 122–126; *Киндлер Р.* Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М., 2017; *Cameron S.* The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934. New Haven: Yale University, 2010; *Ohayon* I. La sedentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline. Paris, 2006; и др.

4 *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула... С. 93; *Бактыгулов Дж. С.* Из истории перехода киргизского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. Фрунзе, 1971. С. 40; *Байбулатов Б.* Братская помощь советских народов кочевому населению Киргизии при переходе на оседлость // Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. 1972. Вып. 18. С. 24–25.

5 Первый Общекалмыцкий съезд Советов. 1920 г. Цит. по: *Плюнов Ф. И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста, 2016. С. 260, 278, 305, 306.

6 ГАРФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 74. Л. 289.

7 «Киргизской АССР» до июня 1925 г. назывался Казахстан.

8 *Горяев М. С., Авлиев В. Н.* Политика советской власти по отношению к малым народам Поволжья (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1). С. 17.

9 *Турсунбаев А.* Опыт перехода от номадизма к оседлости. С. 76.

10 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 77. Л. 166.

11 *Бугаев А. И.* Калмыкия в период новой экономической политики (1921–1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007. С. 19.

12 *Донич А. Н.* Проблема «нового казакского аула» // Народное хозяйство Казакстана (НХК). 1928. № 4–5. С. 163.

13 *Дахшлейгер Г. Ф.* Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 17.

14 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 186. Л. 9 об. — 10.

15 *Погорельский П.* Введение // Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934. С. 21.

16 Архив РАН. Ф. 677. Оп. 5. Д. 1. Л. 68.

17 *Донич А. Н.* Проблема «нового казакского аула». С. 147.

18 [*Донич А. Н.*] Новые поселения в Казакстане. Кзыл-Орда, 1929. С. 1.

19 *Донич А. Н.* Проблема «нового казакского аула». С. 145.

20 *Челинцев А. Н.* Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана // НХК. 1928. № 4–5. С. 27.

21 *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 250.

22 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 4.

23 *Кучкин А. П.* Советизация казахского аула. С. 14, 426.

24 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 4, 165.

25 Очередные задачи ВКП(б) в Казакстане: Доклад т. Голощекина второму пленуму Казакского Краевого Комитета 30 апреля 1926 года. Кзыл-Орда, 1926. С. 34.

26 *Кучкин А.* П. Советизация казахского аула. С. 429–430.

27 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 987. Л. 39.

28 *Семевский Б. Н.* Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода // Известия Всесоюзного географического общества. Т. LXXIII. Вып. 1. М.–Л., 1941. С. 99.

29 Очередные задачи ВКП(б) в Казакстане. С. 33.

30 *Турсунбаев А.* Опыт перехода от номадизма к оседлости. С. 79, 82.

31 Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей в составе Наркомата просвещения РСФСР.

32 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 146, 165–166; Ф. М-1. Оп. 5. Д. 5. Л. 110.

33 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 5, 140, 165; Д. 912. Л. 22, 27, 136; *Гадельшин Г. Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. С. 41.

34 См.: *Синицын Ф. Л.* «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013.

35 Кошчи (*тюрк.*) — пахарь.

36 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 25; Д. 1381. Л. 24 об.; Д. 1653. Л. 14–15.

37 Там же. Д. 911. Л. 158–159; Д. 912. Л. 12, 21; *Дахшлейгер Г. Ф.* Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств. С. 19; *Турсунбаев А.* Опыт перехода от номадизма к оседлости. С. 81.

38 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 159; Д. 912. Л. 12.

39 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1296. Л. 13; Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 157; Д. 912. Л. 13.

40 Там же. Д. 1653. Л. 14.

41 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 127. Л. 4; Д. 810. Л. 8 об. — 9.

42 *Моисеенко В.* Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 95.

43 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1653. Л. 14–15.

44 *Погорельский П.* Введение. С. 21; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 116.

45 *Киндлер Р.* Сталинские кочевники. С. 74–76.

46 *Булдаков В. П.* Туркестанское восстание: истоки, масштабы и последствия насилия // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. М., 2016. С. 120.

47 *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула... С. 93.

48 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 8. Л. 93; Д. 23. Л. 159 — 159 об.

49 *Моисеенко В. М.* Крестьянские переселения в 1920-е годы. С. 106.

50 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 55 об.

51 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 23. Л. 159 — 159 об.; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 127. Л. 4; Д. 210. Л. 56; Д. 537. Л. 4; Д. 1094. Л. 34 об. — 35.

52 *Моисеенко В.* Крестьянские переселения в 1920-е годы. С. 106.

53 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 91.

54 *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула... С. 93.

55 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации: была ли Россия «тюрьмой народов»? // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI в.). М., 2006. С. 88–90, 97.

56 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». С. 90.

57 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации. С. 109–111.

58 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 116; Ф. 372. Оп. 1. Д. 545. Л. 27 об.

59 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». С. 92.

60 Там же. С. 91.

61 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации. С. 87–89, 101–107.

62 *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930. С. 195.

63 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 116; Д. 881. Л. 220; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 835. Л. 59.

64 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации. С. 112–114.

65 *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула... С. 93.

66 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации. С. 89.

67 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». С. 91–93, 96.

68 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации. С. 118, 120.

69 *Тугай Т. И.* Из опыта научной подготовки землеустройства казахского населения в 1920-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 226.

70 *Киндлер Р.* Сталинские кочевники. С. 90.

71 *Чеботарева В. Г.* Проблемы русской колонизации. С. 98–99.

72 *Пейн М.* «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 277, 288–292, 295.

[73] *Гадельшин Г. Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. С. 47.
[74] РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 27–28; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 826. Л. 428.
[75] ГА РФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 13. Л. 176.
[76] *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. С. 209.
[77] РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 165;. Д. 912. Л. 141; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 873. Л. 35.

References

ABLAZHEJ N. N. *Kazahskij migracionnyj mayatnik "Kazahstan–Sin'czyan". Emigraciya. Repatriaciya. Integraciya.* [The Kazakh Migration Pendulum. Emigration. Repatriation. Integration. In Russ.]. Novosibirsk, 2015.

ABYLHOZHIN ZH. B., KOZYBAEV M. K., TATIMOV M. B. *Kazahstanskaya tragediya* [Kazakhstan Tragedy. In Russ.] // Voprosy istorii. 1989. N 7. P. 53–71.

BADMAEVA E. N. *Prodovol'stvennyj vopros v agrarnoj politike sovetskogo gosudarstva: opyt resheniya v 1933–1943 gg. (na primere Kalmykii)* [The Food Supply Issue in the Agricultural Policy of the Soviet State: The Experience of Solution in 1933–1943. In Russ.]. Elista, 2016.

BAJBULATOV B. *Bratskaya pomoshch' sovetskih narodov kochevomu naseleniyu Kirgizii pri perekhode na osedlost'* [The Fraternal Aid of Soviet Peoples to the Nomad Population of Kirgizia during the Transit to Sedentarisation. In Russ.] // Voprosy istorii Kommunisticheskoj partii Kirgizii. 1972. Iss. 18. P. 24–42.

BAKTYGULOV DZH. S. *Iz istorii perekhoda kirgizskogo krest'yanstva k osedlosti i socialisticheskim sposobam hozyajstvovaniya*. Frunze, 1971.

BUGAEV A. I. *Kalmykiya v period novoj ehkonomicheskoj politiki (1921–1929 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [Kalmykia during the New Economic Policy Period. In Russ.] Astrahan', 2007.

BULDAKOV V. P. *Turkestanskoe vosstanie: istoki, masshtaby i posledstviya nasiliya* [Turkestan Riot: Origin, Scale, and Consequences of Violence. In Russ.] // Turkestanskoe vosstanie 1916 g.: fakty i interpretacii. Moscow, 2016. P. 106–122.

CAMERON S. The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934. New Haven: Yale University, 2010.

CHEBOTAREVA V. G. *Problemy russkoj kolonizacii: byla li Rossiya "tyur'moj narodov"?* [The Problems of the Russian Colonization: Was Russia 'the Prison of Peoples'? In Russ.] *// Rossiya i Kazahstan: problemy istorii (XX — nachalo XXI v.)*. Moscow, 2006. P. 83–132.

CHELINCEV A. N. *Perspektivy razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana* [The Prospects of Development of the Agriculture of Kazakhstan. In Russ.] *// NHK*. 1928. N 4–5. P. 1–39.

DAHSHLEJGER G. F. *Iz opyta istorii osedaniya kazahskih kochevyh i polukochevyh hozyajstv (do massovoj kollektivizacii sel'skogo hozyajstva)* [From the Experience of Sedentarization of Kazakh Nomad and Semi-Nomad Households (before the Mass Collectivization of Agriculture). In Russ.] // Sovetskaya ehtnografiya. 1966. N 4. P. 3–23.

DEMIDOV V. A. *Perekhod altajcev na osedlost'* [Sedentarization of Altai People. In Russ.]. Barnaul, 1968.

DONICH A. N. *Problema «novogo kazakskogo aula»* [The Problem of 'The New Kazakh Aul'. In Russ.] // Narodnoe hozyajstvo Kazakstana (NHK). 1928. N 4–5. P. 141–168.

GADEL'SHIN G. F. *Put' turkmenskih kochevnikov k socializmu* [The Way of Turkmen Nomads to Socialism. In Russ.]. Ashkhabad, 1987.

GORYAEV M. S., AVLIEV V. N. *Politika sovetskoj vlasti po otnosheniyu k malym narodam Povolzh'ya (na primere kalmykov)* [The Policy of the Soviet Power towards the Small Peoples of Volga Region (On the Example of Kalmyks). In Russ.] // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2017. N 33 (1). P. 14–20.

IVNICKIJ N. A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazahstan, Severnyj Kavkaz, Povolzh'e, Central'no-CHernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Hunger in the USSR in 1932–1933: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga Region, Central Black Earth Region, West Siberia, Urals. In Russ.]. Moscow, 2009.

KINDLER R. *Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazahstane* [Stalin's Nomads: The State and Hunger in Kazakhstan. In Russ.]. Moscow, 2017.

KOZLOV A. P. *Problemy sedentarizacii kazahskogo aula v agrarnoj politike sovetskoj vlasti 1920–1930-h gg.* [The Problems of Sedentarization of Kazakh Aul in the Agricultural Policy of the Soviet Power in 1920 and 1930s. In Russ.] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki. 2015. N 6. Part II. P. 92–95.

KUCHKIN A. P. *Sovetizaciya kazahskogo aula, 1926–1929 gg.* [Sovietization of the Kazakh Aul. In Russ.]. Moscow, 1962.

MARTIN T. *Imperiya "polozhitel'noj deyatel'nosti": Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939*. [The Empire of 'the Affirmative Action': Nations and Nationalism in the USSR. In Russ.]. Moscow, 2011.

MOISEENKO V. *Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (iz istorii migracii v Rossii)* [Peasants' Resettlements in 1920s (from the History of Migration in Russia). In Russ.] // Demograficheskoe obozrenie. 2015. Vol. 2. N 3. P. 87–141.

Ocherednye zadachi VKP(b) v Kazakstane: Doklad t. Goloshchekina vtoromu plenumu Kazakskogo Kraevogo Komiteta 30 aprelya 1926 goda [The Immediate Tasks of VKP(b) in Kazakhstan: The Report of Comrade Goloshchekin at the 2nd Plenum of the Kazakh Regional Committee on 30 April 1926. In Russ.]. Kzyl-Orda, 1926.

OHAYON I. *La sedentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline*. Paris, 2006.

PEJN M. "*Kuznica*" *kazahskogo proletariata? Turksib, nativizaciya i industrializaciya v gody stalinskogo Pervogo pyatiletnego plana* ['The Forge' of the Kazakh Proletariat? Turksib, Nativization, and Industrialization in the Years of the Stalin's First Five Year Plan. In Russ.] *// Gosudarstvo nacij: Imperiya i nacional'noe stroitel'stvo v ehpohu Lenina i Stalina*. Moscow, 2011. P. 273–309.

PLATUNOV N. I. *Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 — iyun' 1941 gg.)* [The Resettlement Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 — June 1941). In Russ.]. Tomsk, 1976.

PLYUNOV F. I. *Kalmyckij narod i Oktyabr'skaya revolyuciya. 1919–1924 gg.* [The Kalmyk People and the October Revolution. 1919–1924. In Russ.]. Elista, 2016.

POGORELʹSKIJ P., BATRAKOV V. *Ekonomika kochevogo aula Kirgizstana* [The Economy of the Nomad Aul of Kirgizstan. In Russ.]. Moscow, 1930.

SAHAROV M. G. *Osedanie kochevyh i polukochevyh hozyajstv Kirgizii* [Sedentarization of Nomad and Semi-Nomad Households of Kirgizia]. Moscow, 1934.

SEMEVSKIJ B. N. *Ekonomika kochevogo hozyajstva Kazahstana v nachale rekonstruktivnogo perioda* [The Economy of the Nomad Household of Kazakhstan in the Beginning of the Reconstruction Period. In Russ.] *// Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. LXXIII. Issue 1. Moscow–Leningrad, 1941. P. 103–116.

SHAUMYAN M. *Ot kochev'ya k socializmu* [From Nomadism to Socialism. In Russ.]. Alma-Ata, 1965.

SINICYN F. L. "*Krasnaya burya*"*: Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* ['The Red Storm': The Soviet State and Buddhism in 1917–1946. In Russ.]. Saint Petersburg, 2013.

TUGAJ T. I. *Iz opyta nauchnoj podgotovki zemleustrojstva kazahskogo naseleniya v 1920-e gody* [From the Experience of the Scientific Preparation of Land Management of the Kazakh Population in 1920s. In Russ.] *// Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. N 3. P. 218–246.

TURSUNBAEV A. *Opyt perekhoda ot nomadizma k osedlosti* [The Experience of Transition from Nomadism to Sedentary Life. In Russ.] *// Formy i metody preodoleniya ehkonomicheskoj otstalosti: Iz istoricheskogo opyta sovetskih respublik Vostoka*. Moscow, 1972. P. 73–90.

Список литературы

Аблажей Н. Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015.

Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71.

Алтаев А. Ш. Седентаризация в земельной политике советского правительства в Казахстане // Вестник КазНУ. 2015. № 4. С. 122–126.

Бадмаева Е. Н. Продовольственный вопрос в аграрной политике советского государства: опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмыкии). Элиста, 2016.

Байбулатов Б. Братская помощь советских народов кочевому населению Киргизии при переходе на оседлость // Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. Вып. 18. 1972. С. 24–42.

Бактыгулов Дж. С. Из истории перехода киргизского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. Фрунзе, 1971.

Бугаев А. И. Калмыкия в период новой экономической политики (1921–1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007.

Булдаков В. П. Туркестанское восстание: истоки, масштабы и последствия насилия // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. М., 2016. С. 106–122.

Гадельшин Г. Ф. Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад, 1987.

Горяев М. С., Авлиев В. Н. Политика советской власти по отношению к малым народам Поволжья (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1). С. 14–20.

Дахшлейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

Демидов В. А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968.

Донич А. Н. Проблема «нового казакского аула» // Народное хозяйство Казакстана (НХК). 1928. № 4–5. С. 141–168.

Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М., 2017.

Козлов А. П. Проблемы седентаризации казахского аула в аграрной политике советской власти 1920–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 6. Ч. II. С. 92–95.

Кучкин А. П. Советизация казахского аула, 1926–1929 гг. М., 1962.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

Моисеенко В. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 87–141.

Очередные задачи ВКП(б) в Казакстане: Доклад т. Голощекина второму пленуму Казакского Краевого Комитета 30 апреля 1926 года. Кзыл-Орда, 1926.

Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 273–309.

Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск, 1976.

Плюнов Ф. И. Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста, 2016.

Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934.

Семевский Б. Н. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода // Известия Всесоюзного географического общества. Т. LXXIII. Вып. 1. М.–Л., 1941. С. 103–116.

Синицын Ф. Л. «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013.

Тугай Т. И. Из опыта научной подготовки землеустройства казахского населения в 1920-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 218–246.

Турсунбаев А. Опыт перехода от номадизма к оседлости // Формы и методы преодоления экономической отсталости: Из исторического опыта советских республик Востока. М., 1972. С. 73–90.

Чеботарева В. Г. Проблемы русской колонизации: была ли Россия «тюрьмой народов»? // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI в.). М., 2006. С. 83–132.

Челинцев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана // НХК. 1928. № 4–5. С. 1–39.

Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1965.

Cameron S. The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934. New Haven: Yale University, 2010.

Ohayon I. La sedentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline. Paris, 2006.

Ф. Л. Синицын. «Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг.

1920-е гг. в «кочевых» регионах СССР проходили под флагом советизации. Однако ни у центральных, ни у местных властей не было четкого ви́дения решения вопросов, связанных с наличием «кочевой цивилизации». Наиболее простым путем, по мнению властей, был бы перевод кочевников на оседлость. Однако ввиду того, что осуществить это чаще всего не получалось, власти пытались найти компромиссное решение «кочевой проблемы» в «спокойном» режиме. Конкретные меры по советизации «кочевых» регионов заключались в создании советских органов власти и социальной инфраструктуры, проведении землеустройства. Результаты этого процесса были фрагментарными и противоречивыми. Кое-что удавалось (например развитие образовательной и медицинской инфраструктуры в Бурятии и Калмыкии), однако многие цели оказались недостижимыми, особенно на малодоступных для «проникновения» пространствах Казахстана, Туркмении и Киргизии. Усилия по землеустройству в «кочевых» регионах, которые были нацелены на решение межэтнических проблем, зачастую привели к обратному результату. В итоге значительная часть «кочевой цивилизации» по-прежнему оставалась вне «силового поля» советской власти. Окончательное «подчинение» кочевников государству было достигнуто только в процессе форсированного перевода их на оседлость и коллективизации в 1930-х гг. Однако, поскольку эта акция привела к разрушению «кочевой цивилизации» в СССР, следует говорить о том, что кочевники как таковые «советизированы» не были.

Ключевые слова: кочевые народы, национальная политика, советизация, модернизация, миграция, сельское хозяйство, животноводство, СССР, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Бурятия, Калмыкия.

F. L. Sinitsyn. "Pursuing the Population": Sovietization of "Nomadic" Regions of the USSR in the 1920s

The period of 1920s in the "nomadic" regions of the USSR passed under the flag of Sovietization. However, neither central nor local authorities had a clear vision of the solution of issues related to the existence of "nomadic civilization". The easiest way, according to the authorities, would be the sedentarization of nomads. However, due to the fact that this was often not achievable, the authorities tried to find a compromise solution to the "nomadic problem" in the "moderate" mode. Specific measures on Sovietizing the "nomadic" regions included establishing Soviet authorities and social infrastructure, as well as carrying out land management. The results of this process were fragmentary and contradictory. Some things worked (for example, the development of educational and medical infrastructure in Buryatia and Kalmykia), but many goals were unattainable, especially in the remote and vast areas of Kazakhstan, Turkmenistan and Kyrgyzstan, which are not accessible for "penetration" by the authorities. Land management efforts in the "nomadic" regions, which were aimed at solving interethnic problems, often led to the opposite outcomes. As a result, a significant part of the "nomadic civilization" still remained outside the "force field" of the Soviet authorities. The final "submission" of nomads to the Soviet power was achieved only in the process of forced sedentarization and collectivization in the 1930s. However, because this action led to the destruction of "nomadic civilization" in the Soviet Union, we should say that the nomads as such had not been "Sovietized".

Key words: Nomadism, Ethnic Policy, Sovietization, Modernization, Migration, Agriculture, Husbandry, USSR, Kazakhstan, Kirgizia, Turkmenia, Buryatia, Kalmykia.

Синицын, Федор Леонидович — к.и. н., доцент Государственного университета по землеустройству.
Sinitsyn, Fedor Leonidovich — PhD (History), Associate Professor, State University for Land Management.
E-mail: permcavt@gmail.com